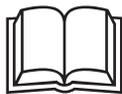


СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСАНДР НЕЛЬГА,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философских проблем этноса и нации Института философии НАН Украины имени Григория Сковороды

Социология властных элит: история и современность



Пилипенко В., Привалов Ю., Николаевський В. Власть элиты в контексте общественного развития. — Киев: Фоліант, 2008. — 158 с.

Сегодня в Украине продолжается процесс становления правящей элиты, природа и характер которой отличаются существенно новыми чертами. Одна из важных особенностей современной властной элиты (по сравнению с предыдущей партийно-бюрократической элитой) состоит в том, что она не является единым монолитным целым ни по своим глубинным экономическим интересам, ни по своим идейным и политическим ориентациям. В современных условиях деидеологизации у властной элиты, собственно говоря, и не может быть никакой объединяющей идеи, кроме одной — как сохранить свою власть и, по возможности, расширить и укрепить ее.

Итак, весьма актуальным и своевременным представляется монографическое исследование Валерия Пилипенко, Юрия Привалова, Валерия Николаевского “Властная элита в контексте общественного развития”. При этом авторы монографии решают ряд исследовательских задач, а именно: изучают теоретико-методологические проблемы исследования элитных групп; показывают особенности властных элит советского периода и отечественной политической элиты. Серьезное внимание ученые уделяют проблемам функционирования экономической элиты в политическом поле Украины (речь идет о взаимодействии политики и бизнеса) и деятельности элитных групп в контексте духовности. При этом они также исследуют власть в контексте социокультурной динамики общества. Реализация такого широкого спектра исследовательских задач позволила авторам рецензируемой монографии дополнить элитологическое знание личными достижениями. Так, авторы выделяют пять основных групп властной элиты, различающихся идейно-политическими ориентациями

(с. 9–11). Эти пять групп являются идеальными в веберовском понимании данного термина, поэтому могут объединять далеких друг от друга в реальной политической жизни представителей. Выделенные авторами группы таковы: 1) индустриалисты; 2) постиндустриалисты; 3) традиционалисты; 4) государственники; 5) популисты.

Осуществляя более детальную типизацию элитных групп, авторы “очерчивают” следующую типологию элитных групп: 1) прагматики-индустриалисты; 2) прагматики-постиндустриалисты; 3) прагматики-традиционалисты; 4) партийно-комсомольские карьеристы; 5) этатисты-государственники; 6) политики-популисты; 7) новые деловые политики.

Интересна вторая глава монографии, где авторы анализируют властные элиты советского периода. Наиболее содержательно-исторически насыщены третья и четвертая главы книги, в которых рассматриваются вопросы становления отечественной политической элиты и их развитие в конце XX – в начале XXI века.

Авторы показывают, что в 1989–1991 годах произошли коренные изменения в советском обществе, приведшие к разрушению СССР, провозглашению независимой Украины, появлению многопартийности и ликвидации КПСС и КПУ. Началось формирование “капиталистических отношений”. При этом глобальными преобразованиями руководила новая элита, которая выросла из недр истории, но оторвалась от предыдущей идеологии, перенеся идеологию контроля.

Оценивая реальное поведение политической (правящей) элиты Украины в годы независимости, авторы отмечают, что эта категория не продемонстрировала ни поведения, адекватного историческим вызовам страны, ни ответственности, которая бы гарантировала достойное будущее ее народу.

Рецензируемая монография во многом выигрывает благодаря пятой главе “Экономическая элита в политическом поле Украины: проблемы взаимодействия политики и бизнеса”. Авторы монографии, на мой взгляд, справедливо опровергают утверждение о том, что раньше (в советское время) у нас не было экономической элиты. В монографии правильно отмечается, что “в советские времена работали выдающиеся экономисты, управленцы, хозяйственники, руководители областей и крупных предприятий, имевшие ценный опыт управления народным хозяйством. Но их не следует отождествлять с новой экономической элитой, которая формировалась достаточно непрозрачно. И к этой элитной группе общество относится с определенным недоверием” (с. 82).

Говоря о формах участия бизнеса в политике, авторы признают, что во всем мире предпринимательскому корпусу удается влиять на политику не столько путем непосредственного участия в партийно-политической деятельности, сколько косвенными формами (лоббирование или давление организованных групп капитала на органы представительской и исполнительной власти). Частный капитал пытается влиять на законодательную деятельность через депутатов парламента. Хотя пока возможности лоббирования в определенной мере ограничены, поскольку новый социальный слой недостаточно (по сравнению с его желаниями) представлен в депутатском корпусе.

Полагаю, авторы вполне закономерно уделяют особое внимание конфликтам в среде предпринимателей. Это два конфликта, которые разрешаются политическими средствами (с. 97). Во-первых, налицо конфликты между законодательной властью и предпринимателями в осуществлении экономических преобразований в государственном секторе. Во-вторых, обостряются противоречия внутри самого предпринимательского слоя, а также между национальным и иностранным капиталом. Наблюдается стремление одних сравнять, а других – сохранить стартовые условия, существующие с начала экономических преобразований.

Бесспорно, “философским украшением” монографии стала глава “Элита в контексте духовности: историко-религиозный аспект”. Авторы рецензируемой монографии отмечают, что соотношение этики и политики, взаимопроникновение этих сфер, их взаимодействие, а также ценностные ориентации властной элиты детерминированы общим историко-политическим, социальным и этнокультурным контекстом, ду-

ховно-религиозной традицией. И можно обнаружить достаточно устойчивые, сохраняющиеся не одно столетие “мумифицированные” клише, идеальные представления об образе правящей элиты, ее месте в обществе, манере общения с народом.

Авторы справедливо отмечают, что “главная функция верховных властей и правящей элиты состоит в сохранении Правды и Истины” (с. 103). Эта идея существенно отличается от западного представления о функциях власти — прагматических, связанных с управлением. В России византийское трактование власти не просто сохранилось до XX века, но и в трансформированном виде было использовано партией большевиков. Партия нового типа рассматривала себя в качестве носителя высшей Правды, воплощения нравственности. Новый идеал большевистского государства был тождествен и одновременно принципиально отличен от нравственного идеала первой древнерусской государственности. Как отмечают авторы, тождественность заключалась в том, что и там, и тут апеллировали к синкретическому менталитету, его логике, локализму, к абсолютному идеалу справедливой нравственной жизни, основанной на уравниловке, эмоциональных отношениях и т.п.

В рецензируемой монографии отмечается: “Можно утверждать, что в советском государстве политика подчинялась морали, и можно сказать, что политика советского государства была принципиально аморальной. И то и другое утверждения в полной мере соответствуют действительности, поскольку властная элита руководствовалась идеей “классовой морали” (с. 119). Лозунг о “подчинении” морали “классовым интересам” В.Ульянов провозгласил на III съезде комсомола в 1920 году. В эпоху Иосифа Сталина этот лозунг стал гигантской ловушкой, в которой оказались и сами пропагандисты такой идеи. Классовая точка зрения определяла двуличие морали в советском государстве. Отрицая общечеловеческую, универсальную мораль, советская идеология отвергала моральное единство человечества.

Логическим завершением монографии является последняя глава “Властная элита в контексте социокультурной динамики общества”, в которой авторы справедливо отмечают, что исключительная сложность проблем, стоящих перед украинским обществом, требует качественного сдвига в изучении механизмов их возникновения и путей решения, более глубокого проникновения в закономерности динамики отечественной истории. Поэтому нужны сложные синтетические теории, способные охватить как микро-, так и макроэволюцию, как философию истории, так и изучение конкретно-исторического процесса.

Общефилософский пласт необходим, поскольку призван выявить методологические основания объяснения и понимания общественных процессов. На первый план должна выйти способность субъекта идеально и материально преодолевать социокультурные противоречия собственной деятельности, которые перманентно возникают в плоскости социальные отношения – культура. Философия истории раскрывает общие закономерности динамики исторического процесса. Нужен анализ конкретно-исторического процесса, точнее, попытка логически воспроизвести конкретно-исторический процесс на основе своеобразного диалога, взаимопроникновения и взаимокритики логики исторического процесса и эмпирического исторического материала. При этом необходим также синтез достижений культурологии, социологии, системных исследований, исторической науки, анализа современных процессов в мире. Это, по мнению авторов, позволит ответить как на “старые” вопросы, так и на “новые”, возникающие в связи с разнообразными и разноплановыми процессами и явлениями XXI века.

Рецензируемая монография, безусловно, будет интересной и полезной как для ученых, преподавателей и аспирантов, так и для широкого круга читателей, интересующихся актуальными вопросами современной элитологии. Авторам хотелось бы пожелать сделать еще один шаг в исследованиях этой проблематики — распространить анализ на другие (кроме Украины и России) страны.